

5. *Лексико-семантические группы русских глаголов / Словарь-справочник.* Свердловск, 1988.
6. *Словарь русского языка: В 4 т. М., 1981—1984.*
7. *Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи.* Воронеж, 1985.
8. *Чудинов А. П. Типология варьирования глагольной семантики.* Свердловск, 1988.
9. *Шершакова Н. Е. Развитие метафорического значения глаголов // Функциональная значимость слова в тексте художественного произведения.* М., 1983.
10. *Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики.* М., 1973.

Функциональная семантика слова. Екатеринбург, 1993

В. Д. ЧЕРНЯК
Российский педуниверситет

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СИНОНИМИИ И ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТОВОГО ВОПЛОЩЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Исследуются проблемы развертывания в тексте синонимических и квазисинонимических рядов как средства выявления существенных свойств языковой личности.

Функционирование синонимов издавна привлекало внимание лингвистов, именно функциональные качества синонимов легли в основу их определений. Однако, как правило, все рассуждения строились на основе анализа отдельных высказываний. Новый этап изучения лексической синонимии настоятельно диктует необходимость обращения к тексту. Именно в тексте обнаруживается подлинное назначение лексических синонимов, выявляется их роль в организации текстового пространства.

Поскольку «за каждым текстом стоит языковая личность, владеющая системой языка» [8, с. 27], представляется актуальным решение вопроса о том, какую роль играют синонимы в текстовом воплощении языковой личности. Этот аспект исследования синонимии делает необходимым установление корреляции между синонимией словарной и текстовой; в частности, требуется учет реальной динамики синонимических рядов, далеко не всегда отражаемой синонимическими словарями, а также учет отношений между лексическим ядром, в первую очередь усваиваемым личностью, и периферией, зависящей от ядра и дающей полную языковую картину культуры [4]. Представляется справедливым замечание В. А. Гречко о том, что «синонимические ряды — это узлы перемещений и изменений языковых единиц, где в сложном взаимодействии и эволюции совмещаются в единстве и старые приобретения, и новые тенденции» [3,

с. 17—18]. Показателен в этом отношении синонимический ряд *босяк — бродяга — оборванец — золоторотец — подзаборник — побродяга — шатун — лохмотник — зимогор* [10]. Большинство членов этого ряда находится за пределами даже пассивного словарного запаса современного носителя русского языка. Примечательна и характеристика общего значения, данная в словаре: «совершенно обнищавший, опустившийся, бездомный человек. Почти все эти слова в современном языке вышли из употребления, так как исчезло само явление» [там же]. То, что последнее утверждение составителей словаря не вполне соответствует реальности, доказывает весьма активное использование нового синонимического существительного *бомж*.

К. С. Горбачевич справедливо отмечает необходимость уточнения границы «живой» лексической системы современного русского языка. С его точки зрения, широкие границы «от Пушкина до наших дней» при обращении к синонимии неприемлемы. Он полагает, что помета «устарелое», применяемая в синонимических словарях, противоречит синхронному пониманию лексической синонимии [2]. Действительно, целый ряд слов, представленных словарем в составе синонимических рядов, в реальный круг лексических единиц, обеспечивающих свободу выбора современному носителю русского языка, не входит. Приведем несколько примеров: *пират — корсар — флибустьер; почтальон — письmonoсец — почтарь; палка — палочка — трость — тросточка — клюка — клюшка — костыль — посох — посошок; фат (фертик) — хлыщ — хлыст* (в словаре отмечается, что в XIX в. в синонимический ряд входило и слово *пшют*); *сыщик — агент — шпион — шпик — филер — соглядатай* (примечательны отмечаемые в словаре хронологические рамки: «в дореволюционной России»); *тюрьма — темница — кутузка — каталажка* (отмечается, что в XIX в. употреблялись также синонимы *острог* и *каземат*); *кладбище — погост — некрополь — могильник; проиграться — продуться — профершилитъся*. Очевидно, что многие члены приведенных синонимических рядов, а иногда и ряды в целом являются фактами истории и с реализацией селективной способности говорящего мало связаны.

Имея в виду изменяющееся языковое сознание, многие современные лингвисты исходят из представления о современном языке как о реализующемся в языковых высказываниях в последние 50—60 лет [5]. Исходя из этого особое значение имеет привлечение для анализа современных текстов, связанных (в условных границах) с жизнью одного поколения. В связи с этим представляется важным замечание О. Л. Каменской: «Используя язык как систему, которую можно уподобить сложному лабиринту, лингвист стремится занять наиболее высокую точку зрения над этим лабиринтом, охватывая по возможности всю сложную структуру в целом. Носитель языка в реальном ком-

муникативном акте никогда не оперирует языком в целом, он находится внутри «языкового лабиринта». Поэтому при коммуникативном подходе к изучению текста «радиус языковой видимости» лингвиста должен быть уменьшен и тем самым приведен в соответствие с радиусом «языковой видимости» коммуниканта в конкретном акте речемыслительной деятельности» [6, с. 10]. С этих позиций словарная синонимия представляет радиус «языковой видимости», в известной степени абстрагированный от поля «языкового зрения» носителя языка, определяемого его социальными, профессиональными, возрастными особенностями, уровнем культуры, т.е. индивидуальным тезаурусом личности. Проблема синонимии органично связывается с оппозицией: словарь общенародного литературного языка — идиолексикон творческой личности — лексикон типичного носителя языка [11].

То, как осуществляет носитель языка выбор слова, свидетельствует о достаточно жестких рамках, задаваемых усредненным «языковым портретом» современника — типичного носителя языка. Показательно в этом отношении замечание Л. Я. Гинзбург о словоупотреблении 30—40-х годов: «Если, паче чаяния, кто-нибудь вам скажет — я был в *кинematографе* (или того лучше — в *синематографе*), вместо *кино*, то вы сразу поймете, что это ископаемая личность, которая не знает, чем Чаплин отличается от Макса Линдера». Слова *кинematограф* и *синематограф* в «Словаре синонимов русского языка» приводятся в справочной части словарной статьи к синонимическому ряду *кинотеатр* — *кино*. Очевидно, словарная синонимия не может в полной мере отразить те существенные коррективы, которые связаны с хронологическими рамками, ограничивающими синонимические средства, реально используемые одним-двумя поколениями. Обмен лексикона, колеблющийся от индивидуума к индивидууму, свободу в творческом выборе единиц из синонимических рядов Г. В. Колшанский относит к факторам, которые являются «привилегией человека в использовании языка» [9, с. 97]. Несовпадение тезаурусов языковых личностей, в том числе и индивидуальных запасов синонимических средств, может стать препятствием в речевой коммуникации, а в художественной литературе нередко обыгрывается как выразительный прием. Например:

— *Господи,— сказала Сельма.— А что же тогда здесь делать? И я щ и к а нет...*

— *Какого я щ и к а?*

— *Ну, т е л и к а... Т В!..*

— *А-а... Да, это у нас планируется не скоро.*

— *Ну и тоска!..*

— *Можно п а т е ф о н завести,— предложил Андрей стеснительно. Ему было неловко. Действительно, что это такое — ни радио, ни телевидения, ни кино...*

— *П а т е ф о н? Это еще что такое?*

— Не знаешь, что такое патефон? — удивился Андрей. — Ну граммофон. Ставишь пластинку...

— А, проигрыватель... — сказала Сельма без всякого воодушевления. — А магнитофона нет? (А. и Б. Стругацкие).

В приведенном диалоге развертываются два ряда синонимов. Первый характерен для разговорной речи: *ящик* — *телик* (к нему подключается употребительная в официальной речи и публицистике аббревиатура *ТВ*). Примечательно, что все эти слова используются одним говорящим. Перебор синонимов имеет целью достижение взаимопонимания. Невосприятие переносного значения слова *ящик* демонстрирует неосведомленность собеседника. Контакт налаживается лишь при использовании официальной номинации. Второй синонимический, а точнее, квазисинонимический ряд представляет разные номинации аппарата для воспроизводства звука (ср. словарные толкования приведенных слов: *граммофон* — «музыкальный аппарат с рупором, воспроизводящий звук, записанный на особые пластинки»; *патефон* — «портативный граммофон без рупора»; *проигрыватель* — «электрический аппарат, устройство для проигрывания грампластинок»; *магнитофон* — «аппарат для записи звука на магнитную ленту или проволоку и последующего его воспроизведения»). Речь в текстовом фрагменте идет не столько о разных денотатах, сколько о своего рода «словарных приметах» разных поколений. В диалоге роли участников коммуникативного акта меняются. Свой коммуникативный вклад вносит второй собеседник, представляющий в фантастическом романе минувшую эпоху: он также перебирает близкие по значению слова, добываясь наконец адекватного восприятия ситуации собеседницей. Правда, последняя ее реплика вновь возвращает к системе номинаций иной эпохи.

Итак, проблема синонимии, ее текстового воплощения оказывается органично связанной со способами воссоздания языковой личности в тексте. Языковая личность выступает как «многослойный, многокомпонентный, структурно упорядоченный набор языковых способностей, умений, готовностей производить и воспринимать речевые произведения» [8, с. 70—71]. Функциональная взаимосвязь вербально-семантического и лингвокогнитивного уровней воплощения языковой личности заключается в том, что любой текст носителем языка «пропускается» через его тезаурус, соотносится с его знаниями, с индивидуальной картиной мира [8]. Обращение к конкретным текстам, прежде всего художественным, позволяет выявить ассоциативно-семантические сети, типичные семантические зоны и узлы связей. О. Л. Каменская отмечает, что при порождении текста носитель языка оперирует фрагментами тезауруса личности — файлами, в которых закреплены словесные ассоциативные связи. Релятивные файлы, «выражающие наиболее общие отношения внешнего мира», находят «воплощение в категориях синонимии и антони-

мии» [7]. Индивидуальный лексикон личности, непосредственно откликающийся на внешние воздействия, активизация индивидуальных файлов определяют характер лексического отбора, производимого говорящим. Носитель языка, имея в своем распоряжении широкий круг средств для выражения сходного содержания, нередко оказывается перед необходимостью альтернативного выбора: «акт предпочтения одного языкового средства другому — так же, как степень его осознанности, — это и есть сам говорящий, «образ автора» данного высказывания» [1, с. 19].

Степень свободы владения языком определяет также возможность оперирования синонимическими средствами, стилевой диапазон говорящего. Отбор синонимических средств активно используется в художественных текстах для создания речевых портретов, выразительных художественных образов. Нередко сопоставление или противопоставление даже двух слов-синонимов в минимальном текстовом фрагменте или в нескольких диалогических репликах служит действенным приемом создания речевого портрета, позволяет отразить разные точки зрения на ситуацию. Так, сопоставление нейтрального *украсть* и грубопросторечного *спереть* в приводимом ниже текстовом фрагменте отражает окрашенное юмором авторское восприятие неожиданной ситуации (совпадающее с коллективной точкой зрения) и серьезное, почти трагическое восприятие Станиславского:

Когда-то в Художественный театр пришел Рыков. Он тогда являлся Председателем Совета Народных Комиссаров. Разделился, как было заведено, в комнатке позади правительственной ложи. Просмотрев без скуки скучный спектакль, предсовнаркома похлопал, сколько положено, в ладоши, поблагодарил исполнителей и стал одеваться. Глядь, а галош-то нет, сперли галоши. В уборных, плотно прикрыв двери, хохотали актеры. Администраторы растерянно бегали туда и сюда. А Станиславский, сжав ладонями свою голову земного бога, переживал комическое происшествие как великую трагедию. Он повторял и повторял:

— Какой позор! Какой позор! В Художественном театре у председателя почти всей России галоши украли!

Очень похоже на анекдот. Но это непридуманная правда (А. Мариенгоф).

Акцент, сделанный говорящим на осуществленном им выборе из нескольких альтернативных лексических средств, обнаруживает осознание им своей языковой личности, выявляет индивидуальную картину мира, систему ценностей. Приведем несколько текстовых фрагментов, демонстрирующих, как выбор синонимов характеризует языковые личности коммуникантов, выявляет авторскую точку зрения:

— А вы и не подозреваете, милый князь,— продолжал усмехаться Евгений Павлович, не отвечая на прямой вопрос,— вы

не подозреваете, что я просто пришел вас надуть и мимоходом от вас что-нибудь выпытать, а?

— Что вы пришли выпытать, в этом и сомнения нет,— засмеялся, наконец, и князь,— и даже, может быть, вы решили меня немножко и обмануть. Но ведь, что ж, я вас не боюсь... (Ф. М. Достоевский);

Воспламененное лицо Сологдина омрачилось:

— Вот так я и знал. Ты первый наскაკиваешь на меня...

— По-моему, ты первый!..

— ...даешь мне всякие клички, у тебя их в сумке много: *мракобес!* *попятник!* — (он избегал иноземного непонятного слова «реакционер») — *увенчаный прислужник* — (значило: «дипломированный лакей») — *поповщина!* У вас набралось бранных слов больше, чем научных определений (А. Солженицын);

— Сейчас же вылетаю.— Бурич пригнулся к земле, но тут же распрямился, почувствовав легкую невесомость, словно во сне.— Одна просьба, Никита Сергеевич. Прошу по возвращении принять меня. Вы обещали, два сеанса, мне хватит. Я столько лет мечтал изваять вас.

— Смотри, Бурич,— трубка затряслась от рассычатого смеха.— Слепишь, потом тебе же снимать придется. Не промахнись (А. Злобин);

— А отчего вы дали первую партию в гимназии альту?

— Я и сам не знаю отчего,— сказал Переслегин.— Ведь когда начинаешь творить... прости за пышное слово... Когда начинаешь сочинять музыку, разве делаешь это холодным умом? (В. Орлов).

В приведенных текстовых фрагментах наблюдаются разные варианты синонимических ситуаций, в которых говорящий оказывается перед необходимостью альтернативного лексического выбора: это и учет предстоящего понимания собеседника, и попытка сохранить в словесном отборе иерархию отношений между собеседниками, и выжженная демонстрация через отношение к языку черт своей личности, и внутренняя самоцензура.

Обращение к художественным текстам показывает, что именно использование синонимов или лексических сближений по синонимическому типу часто оказывается экономным и выразительным средством характеристики языковой личности. Показательны в этом отношении многие характерологические по своей сути рассказы В. Шукшина. Он, осуществляя точный языковой выбор, создает абсолютно достоверные языковые портреты личностей своих героев. Интересен с этой точки зрения рассказ «Выбираю деревню на жительство». Начинается он с привлекающей внимание читателя фразы: *Некто Кузовников Николай Григорьевич вполне нормально и хорошо прожил.* Значимо здесь и сочетание неопределенного местоимения с принятым в официальном стиле именованьем героя, и харак-

терная для разговорной речи синонимизация наречий *хорошо* и *нормально*, и неожиданное употребление формы совершенного вида глагола *прожить* без дополнения. Начало второго абзаца повторяет и углубляет содержание первого высказывания: *Словом, все было хорошо и нормально. Николай Григорьевич прошел свою тропку жизни почти всю*. Содержательно насыщенным оказывается заключенный в приведенную рамку первый абзац. В нем автору удалось сказать почти все о «жизненной тропке» своего героя, с молодых лет пошедшего «по складскому делу». Авторская речь при этом сливается с несобственно-прямой речью. Доминантным для характеристики Николая Григорьевича оказывается сопоставительное использование кон­текстуальных синонимов *воровать* и *брать*, создающих достаточно плотную синонимическую сеть:

Воровал ли он со складов? Как вам сказать... С точки зрения какого-нибудь сопляка с высшим юридическим образованием — да, воровал, с точки зрения человека рассудительного, трезвого — это не воровство: брал ровно столько, сколько требовалось, чтобы не испытывать ни в чем недостатка, причем если учесть — окинуть взором — сколько добра прошло через его руки, то сама мысль о воровстве станет смешной. Разве так воруют! Он брал, но никогда не забывался, никогда не показывал, что живет лучше других.

Однако и этот, столь четко очерченный Шукшиным, персонаж не лишен характерных для его героев странностей, чудаковатостей. Оказывается, на протяжении вот уже нескольких лет Николай Григорьевич каждую субботу ездит на вокзал и вступает в долгие разговоры с деревенскими мужиками. Основная часть рассказа и представляет собой мастерски переданные полилоги спорящих мужиков.

У Шукшина нередко наблюдается колебание субъективных планов. Речь автора может сближаться с речью персонажей, благодаря чему в авторском повествовании создается множественность характеристик. Так, неоднозначность описываемой ситуации, различные взгляды и оценок предстают перед читателем уже в первом абзаце рассказа «Залетный» и выявляются в сопоставлении текстовых синонимов глагола *запил* и просторечного выражения *стал прикладываться*: *Кузнец Филипп Наседкин, спокойный, уважаемый в деревне человек, беспрекословный труженик, вдруг за пил. Да и не за пил вовсе, а так — стал приклады в а т ь с я. Это жена его, Нюра Заполюшная, это она решила, что Филя за пил. И она же полетела в правление колхоза и там устроила такой переполох, что все решили: Филя за пил. И все решили, что надо Филью спасать.*

Ключевым для развития сюжета является переход от замыкающего первый абзац глагола *спасать* к началу следующего абзаца: *Главное, всех насторожило, что Филя схлестнулся с Саней Неверовым*. Использование просторечного *схлестнулся*

с его ярко выраженной отрицательной экспрессией как контекстуального синонима глаголов *сошелся, сдружился* демонстрирует коллективную точку зрения (ср. далее: *Бабы замужные возненавидели Саню с того самого дня, как он только появился в деревне*). Автор же, со скрытой теплотой рисуя сложную внутреннюю жизнь своего героя, показывает несправедливость однозначных, предвзятых характеристик человека.

Именно своеобразное соотношение прямой, несобственно-прямой и авторской речи, отражающее пересечение разных языковых личностей, в значительной степени определяет художественные особенности рассказов В. Шукшина. Немалую роль при этом играет использование лексических синонимов.

Именно лексические синонимы в тексте, наглядно представляя результат осознанных коммуникативных усилий говорящих (участников диалога), прагматических и эстетических установок автора, являются заметным средством воплощения существенных черт языковой личности. Их выявление, как правило, не осуществимое в рамках высказываний, диктует необходимость обращения к целому тексту или к достаточно протяженным текстовым фрагментам.

Особые аспекты воплощения черт языковой личности связаны с использованием синонимов в научном, научно-популярном, публицистическом стилях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Винокур Т. Г.* К характеристике говорящего. Интенция и реакция // *Язык и личность*. М., 1989.
2. *Горбачевич К. С.* О переменном характере лексической синонимии // *Лексическая синонимия*. М., 1973.
3. *Гречко В. А.* Лексическая синонимика современного русского литературного языка. Саратов, 1987.
4. *Денисов П. Н.* О понятии синхронного среза и синхронного состояния языка в лексике и лексикографии // *Вопросы языкознания*. 1986. № 3.
5. *Едличка А.* Литературный язык в современной коммуникации // *Новое в зарубежной лингвистике*. М., 1988. Вып. 20.
6. *Каменская О. Л.* Компоненты семантической структуры текста: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1988.
7. *Каменская О. Л.* Текст и коммуникации. М., 1990.
8. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987.
9. *Колшанский Г. В.* Объективная картина мира в познании и языке. М., 1990.
10. *Словарь синонимов русского языка* / Под ред. А. П. Евгеньевой: В 2 т. Л., 1970.
11. *Чулкина Н. А.* Модель лексикона носителя русского языка как способ представления лексической системы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1987.